

БЕСЦЕННАЯ СОКРОВИЩНИЦА

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. МОСКВА

30 ИЮНЬ 1974

В новое издание пьес Л. Леонова*, приуроченное к семидесятипятилетию писателя, вошли произведения, охватывающие этапные моменты его драматургической эволюции. Естественно, для этой книги, представляющей своего рода творческий отчет Леонова-драматурга за полувековой путь в искусстве, отобраны его лучшие пьесы.

Перечитывая сейчас одну за другой известные пьесы Леонова, чувствуешь не исчезающую с годами сложность их психологических лабиринтов, напряженную динамику сценического письма, неоднозначность характеров и ситуаций. Главное, что восхищает в леоновском театре,— ощущение громадного художественного явления, в высшей степени оригинального и цельного, с необыкновенной экспрессией запечатлевшего характерные свойства индивидуального творческого почерка писателя.

Критика уже не раз отмечала воздействие на Леонова драматурга традиций русской драматической литературы, находила многообразные связи между ним и Гоголем, Сухово-Кобылиным, Чеховым, Горьким. Леоновская драматургия действительно традиционна, если разумеешь под традицией

* Леонид Леонов. Пьесы. «Советский писатель». М., 1973.

следование художественному опыту классиков. Но она ни в коей мере не ограничивается этими традициями. Сила большого таланта в том и состоит, что, органически усваивая достижения предшественников, он всегда остается самобытным, устремленным навстречу самым сокровенным потребностям времени, пролагающим новые дороги в искусстве.

Если попытаться понять секреты той художественной силы, которую таит в себе драматургия Леонова, то в первую очередь нужно говорить о чувстве современности, пронизывающем каждую его пьесу. Правда, начиная свой путь в драматургии, Леонов исследовал по преимуществу сферы уже уходящей в прошлое жизни. В пьесах 20-х годов драматург, видевший живучесть и цепкость последней старого мира, наносил сокрушительные удары по предрассудкам и нравам циничного, враждебного революции мещанства, а образы строителей нового общества, борцов против мещанской собственности, идеологии и психологии занимали у него сравнительно скромное место. Но прошло совсем немного времени, и в 30-е годы Леонов создал «Половчанские сады», «Волка», «Обыкновенного человека», пьесы с открытой и ясной со-

циальной перспективой, с определенной расстановкой противоборствующих сил. Опыт собственного драматургического творчества доказал Леонову необходимость дистанции во времени, утвердил его в поисках остросовременной, актуальной проблематики.

Впрочем, обращение к новым драматическим конфликтам вовсе не побуждало Леонова отказываться от широких ретроспективных планов. Изображение настоящего в его взаимодействии и противоборстве с прошлым — один из ведущих художественных принципов леоновской драматургии.

Уже комедия «Обыкновенный человек» обозначила новый в драматургии Леонова аспект проблемы прошлого и настоящего, обусловленный закономерностями общественного развития страны в социалистическую эпоху. Прошлое выступило здесь не только в облике затхлого мирка обывательского благополучия, но и как живое воплощение боевых революционных традиций. Накопленный советским народом исторический опыт позволил драматургу найти самые надежные и точные средства для испытания и проверки сегодняшних людей. Герой «Обыкновенного человека» коммунист Павел

Сергеевич Свеколкин, воин и создатель, выстрадавший в огне гражданской войны право на бескомпромиссность и ясность своих жизненных позиций, во всеоружии беззаветной героики прошлого смело обнажил не только лживость и ханжество мира Констанции Львовны, но заодно и иждивенческие наклонности своего бывшего фронтового друга Ладыгина. И именно Свеколкин заставляет персонажей комедии поверить в себя, осознать «самую жгучую радость в мире: каждое мгновение быть необходимым людям».

Особенно выразительно и гармонично оба эти аспекта осмысления прошлого воплощены в «Золотой карете» — драме с многослойной композиционной структурой, разветвленными, уходящими в философский подтекст сюжетными линиями, широким и разносторонним охватом жизни. Связывая одних героев с далекими, дореволюционными временами, а других — с битвами только что завершившейся войны, Леонов утверждает принципиальное внутреннее единство обоих аспектов в понимании прошлого, их одинаковую значимость для судеб сегодняшнего молодого поколения.

Леоновским героям приходится жить словно бы под

двойным напряжением: их сближает стародавняя мораль уютного житейского благополучия и к ним обращает свой требовательный взор суровое и доблестное военное прошлое. И смысл «Золотой кареты» заключается в том, что лучшие герои пьесы в ходе этих трудных испытаний все более глубоко постигают науку жизни, успешно учатся отличать внутреннюю, духовную красоту от внешней, показного блеска, овладевают благороднейшим жизненным призванием — умением всегда быть необходимыми людям.

Так сопрягается в леоновских пьесах мир прошлого с миром настоящего и с движением его к будущему, так нравственно-философская проблематика, рожденная конкретными историческими обстоятельствами, приобретает актуальное социальное звучание и глубоко воздействует на духовный облик наших современников.

В сегодняшних спорах о перспективах развития советской драматургии мы часто повторяем слова о том, что конфликт — душа драмы, что вне острых драматических столкновений не могут быть полно выявлены характеры. Не менее часто, однако, эти верные слова так и остаются словами, а попыток выдать более или менее правдоподобную имита-

цию конфликтных положений за самый конфликт не убавляется. Опыт Леонова-драматурга глубоко поучителен и в этом отношении.

Писатель демонстрирует завидную верность законам драмы: для своего художественного анализа он всегда избирает переломные моменты в жизни героев, раскрывает их судьбы в обстоятельствах решающих, требующих от каждого максимального напряжения всех духовных сил. Конфликты у Леонова подчеркнуты идеологичны: следуя горьковским традициям, писатель строит драматическую ситуацию как столкновение двух философий, стремясь полнее раскрыть мировоззрение героев, соотнести их поведение и поступки с их социальными жизненными позициями.

Кажется, что существованию леоновских героев сопутствует мало внешних событий. Возьмем ли мы «Половчанские сады» или «Волка», «Метель» или «Обыкновенного человека», везде в общем повторяется одна излюбленная автором жизненная коллизия: устойчивые, налаженные отношения в какой-либо семье нарушает приход нового человека извне, враждебного ей. Сложные обстоятельства, вызванные появлением этого человека, побуждают героев обнаруживать

свои подлинные чувства и переживания, переоценивать устойчивые семейные связи, личные симпатии и антипатии. Но драма завершается — и возникает ощущение, что вроде бы ничего особенного и не случилось, что все остается на прежних местах. Ощущение это, однако, чисто внешнее, так как в действительности герои после всего происшедшего с ними в пределах сценического действия уже не могут жить, как раньше, переменив в их социально-психологическом, нравственном облике необратимы.

Такая подспудная конфликтность пьес Леонова — при внешней статике, кажущейся малособытийностью и неподвижностью — достигается умением драматурга возводить личное, как будто даже частное в степень общественного, показывать индивидуальное в свете типического. С огромной художественной силой это свойство таланта Леонова проявилось в «Нашествии». Пьесе, раскрывшей личную тяжесть судьбы героя, суждено было с полным основанием стать одним из самых выдающихся завоеваний советской драматургии периода Великой Отечественной войны.

Сегодня, перечитывая эту пьесу, полнее понимаешь природу творческой победы, одержанной Леоновым в «Нашествии», мастерство, с каким художник обобщил до всенародного масштаба события в маленьком, оккупированном вра-

гом городке, почувствовал и передал за частными поступками героев, за их переживаниями социальную сущность борющихся сил, возвысил борьбу героев до подлинно трагедийного звучания.

Отрадно, что рядом с «Нашествием» в сборнике леоновских пьес заняла свое место и вторая драма военных лет — «Ленушка». Известно, что сценическая судьба ее вовсе не сложилась и что критика отнеслась к ней в общем отрицательно. В данном случае, пожалуй, нет необходимости вступать в полемику с негативными критическими оценками, но хочется присоединиться к справедливому, на мой взгляд, суждению тех, кто считает, что недостаточно аргументированных оснований для забвения «Ленушки» вроде бы не должно быть. А когда в 1971 году «Ленушку» поставили выпускники мхатовской Школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко, сам автор, присутствовавший на спектакле, выразил его участникам благодарность за то, что они постарались вернуть на сцену эту очень дорогую для него пьесу.

Сборник пьес Леонова позволяет проследить развитие особого, неповторимого драматургического языка писателя, позволяет еще раз приблизиться к сокровищнице его бесценного художественного опыта.

Б. БУГРОВ,

кандидат филологических наук, доцент МГУ.